
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕОРИИ ТРАНСГУМАНИЗМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕЙ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

С.А. Костина

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Если попытаться в самом общем виде очертить проблемное поле трансгуманизма, то можно сказать, что затрагиваемые им вопросы находятся на границе между наукой, ее достижениями и перспективами, и жизнью человека как таковой. Л. Витгенштейн, конечно, никогда не высказывался о трансгуманизме, хотя бы по той причине, что в его время трансгуманизм еще не сформировался, хотя идеи трансгуманистского толка можно обнаружить в различные эпохи. В трудах мыслителя, как представляется, есть то, что заставляет полагать границы таким абсолютным для трансгуманизма ценностям, как безграничная вера в науку, упование на будущее и нацеленность на земное бессмертие (желание вечного существования).

Принято считать, что слово «трансгуманизм» впервые было употреблено биологом Джулианом Хаксли, который состоял в родстве с зоологом Томасом Хаксли (Гексли) и Олдосом Хаксли — писателем, известным по своей антиутопии «О дивный новый мир».

Трансгуманизм видит «решение» различных проблем человеческого существования (смерти, болезни, усталости, ограниченности памяти и др.) *в развитии науки*. Впрочем, некоторые исследования трансгуманистов «работают» больше на «улучшение» человека (его «характеристик»), чем на решение каких-либо конкретных проблем. Телесность в целом, судя по всему, представляет проблему для трансгуманизма. Тело человека привязано к определенной точке в пространстве и времени; ему необходимо пропитание, утоление жажды, укрытие, оно подвержено болезням, которые угрожают самому факту жизни человека, он попросту смертен. Сознывая, что телесность представляет собой отдельную философскую и антропологическую проблему, мы не будем ее специально обсуждать в данной статье, однако выскажем предположение, что наиболее конструктивными путями решения этой проблемы могли бы стать психоаналитический и феноменологический подходы, так как в них отсутствует традиционное противопоставление материи и духа (тела и сознания).

Телесность — проблема для трансгуманизма, но в то же время и средство постижения, «схватывания» человеческой природы. С одной стороны, мы имеем физиолого-органическую «картину» человека (трансгуманистов, добавим, интересуется не только «физика», но и «психика» — достижения в области психофизиологии, точнее нейрофизиологии, например, работы по расширению памяти, передаче мыслей, управлению техническими объектами с помощью мысли). С другой

стороны, трансгуманисты рассуждают о «цифровой» перспективе человека, рассматривают как достижимую перспективу электронного кодирования его сознания, а это, заметим, уже другой (неорганический) «формат» человека, с которым гораздо проще работать и которым проще управлять.

НАУКА И ЧЕЛОВЕК

Наука — главный предмет надежд и чаяний трансгуманистов. Она должна войти в жизнь всех без исключения людей и изменить ее кардинальным образом.

Л. Витгенштейн же в целом вовсе не разделяет веры в науку, несмотря на свою причастность к логическому позитивизму, которому такая установка свойственна. Он как раз, наоборот, стремится подчеркнуть ограниченность науки.

Одно из ключевых высказываний, определяющих его позицию по этому вопросу, можно найти в «Логико-философском трактате»: «6.52. Мы чувствуем, что, если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы совсем не были бы затронуты этим. Тогда, конечно, уже не осталось бы вопросов, но и это было бы определенным ответом» [1]. Почему же Л. Витгенштейн отказывает науке в возможности помочь нам в жизни?

Для ответа на этот вопрос следует углубиться в концепцию философа, как она представлена в «Логико-философском трактате». В данной работе речь идет о мире и возможностях (и бессилии) языка, который о нем говорит. «1.13. Мир — это факты в логическом пространстве» [1]. Реальность оказывается семантической логически упорядоченной структурой, а не совокупностью эмпирических объектов. Понятие факта объясняется как существование со-бытий (в переводе М.С. Козловой) и как соединение объектов — вещей и предметов (в переводе Д.Г. Лахути).

Эти варианты перевода трактата на русский язык можно назвать комплементарными, так как факт образуется «совместным бытием» объектов мира, ведь в объекте заложены определенные возможности взаимодействия с другими объектами. Логика же априорно присутствует до всякого возможного положения вещей, которое не может образоваться вне ее. Сама по себе она не может быть схвачена ни языком, ни мышлением: она трансцендентна. Логика показывает себя, дает себя обнаружить, но отразить в языке сам принцип отражения невозможно. Язык зеркально изображает факты, имея с миром одну и ту же логическую структуру. И, что важно заметить, только лишь факты. Короче говоря, объекты образуют факты, факты составляют мир, язык отражает их, логика обеспечивает эти «процессы». «...Мы никогда не будем знать никакого другого, „настоящего“, мира, кроме того, который знаем» [2. С. 59].

Следующим шагом является постулат о тождественности границ языка и мира: мир простирается настолько, насколько мы владеем языком и способны его воспринимать, наш мир равен нашему языку. Любая речь, касающаяся чего-либо «выше» фактов, например, философская, оказывается бессмысленной: «6.53. Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки... —

А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений» [1]. Философия, этика, эстетика не могут существовать в качестве *наук*, как их понимает Л. Витгенштейн, что, разумеется, не является их «недостатком».

Учитывая сказанное, мы можем более четко определить, какое место наука занимает в концепции Л. Витгенштейна. Становится понятно, что область науки — это область фактов, подчиненных логической необходимости, а это довольно скромное место. «4.11. Совокупность всех истинных предложений есть все естествознание (или совокупность всех естественных наук)» [3], эти истинные предложения — не что иное, как *фактуальные* предложения, язык фактов.

Как же обстоит дело с человеком и его положением в мире? Человек не принадлежит миру, он не его часть, а граница. Лишь тело является объектом мира: «5.631... Если бы я писал книгу „Мир, как я его нахожу“, то в ней следовало бы сообщить и о моем теле и рассказать, какие члены подчиняются моей воле, какие нет и т.д.» [1]. Человек — не один из фактов мира, и наука, следовательно, не может сделать его своим объектом изучения, разве что только его тело. Точно также получается, что и другой человек всегда оказывается больше, чем факт мира (каковым, повторим, может являться только его тело и то, что оно делает). Другой, как и мы сами, ускользает в область тайны. «Незнание как отсутствие готового знания, вербального пред-понимания возвращает Другому независимость от языка... Другой „молчит“ в ответ на приостановку потока человеческих экстраполяций, направленных на ассоциативное достраивание картины мира, вытесняющее и сублимирующее опыт неизвестного» [4. С. 80].

Наука и человек, таким образом, у Л. Витгенштейна не являются также (неразрывно) связанными, как это представлено в концепции трансгуманизма.

ВЕЧНОСТЬ

Трансгуманизм обеспокоен проходящим характером жизни человека, его конечностью (смертностью), более того, он не желает мириться с этим фактом. Бессмертие являлось предметом исследований для многих мыслителей, оно представлялось и как благо, и как проклятие. У Л. Витгенштейна мы также находим рассуждения на эту тему. Более того, мыслитель заявляет о вечности нашей жизни.

Его позиция объясняется тем, что смерть, прекращение жизни не может быть эпизодом нашего опыта (чтобы утверждать обратное, нужно быть уверенными в существовании загробной жизни); нельзя умереть в настоящем времени и нельзя окинуть взглядом свою *уже прошедшую* жизнь, осознать себя умершим. «6.4311. Смерть — не событие жизни. Человек не испытывает смерти. Если под вечностью понимать не бесконечную длительность времени, но безвременность, то вечно жив тот, кто живет в настоящем. Стало быть, наша жизнь не имеет конца, так же как наше поле зрения не имеет границ» [1]. Настоящее здесь просто не соотносится с временным континуумом, как если бы категории времени вообще не было.

Далее в «Логико-философском трактате» читаем: «6.4312. Временное бессмертие человеческой души, означающее, следовательно, ее вечную жизнь даже после смерти, не только ничем не гарантировано, но прежде всего это предполо-

жение не выполняет даже того, чего с его помощью всегда хотели достичь. Решается ли какая-либо загадка тем, что я вечно продолжаю жить? Не является ли поэтому эта вечная жизнь настолько же загадочной, как и настоящая? Решение загадки жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени. (Здесь должны решаться не естественнонаучные проблемы)» [1].

Это еще один ключевой момент воззрений Л. Витгенштейна, который может служить отправной точкой для критики трансгуманистов. Загадочное, мистическое — важная часть его философской концепции. «Вне пространства и времени» располагаются и этические, и эстетические вещи (ценности, смысл жизни, возвышенное, добро и зло), здесь, вероятно, прячется и решение загадки жизни как таковой.

Все это отсылает нас совсем к другому порядку вещей. Разделение на то, что может быть сказано, и на то, что не может, не касается только языка.

Здесь заключена одна важная мысль. Ведь принято считать, что Л. Витгенштейн принадлежит к аналитической философии, философии языка, но язык был лишь той областью, с которой он начал свой философский путь. В предисловии к «Трактату» Л. Витгенштейн говорит о том, что этика — это как раз то, ради чего и была написана работа.

Возвращаясь к проблеме вечности, мы теперь понимаем, что вечность может присутствовать в нашей жизни иначе, чем «вечная жизнь», — не в качестве цели или мечты, а в качестве нечто такого, что приходит самостоятельно, сейчас и внезапно, не дожидаясь научного прогресса, и что она уже всегда заключена в нашем существовании.

Согласно Л. Витгенштейну, вечность — это точка зрения на мир, *sub specie aeternitatis*, как он говорит в своих дневниках и в «Трактате»: «6.45. Созерцание мира *sub specie aeterni* есть его созерцание как ограниченного целого. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое» [1]. Цель человека — осознать свою принадлежность к чему-то высшему, к чему-то расположенному вне мира фактов, границу которого он являет собой, осознать, что в нем, в человеке, есть «дверь» в иные сферы, за порогом которой наш язык умолкает.

Альбер Камю, рассуждая о проблеме смысла жизни, в качестве эпиграфа к своей работе «Миф о Сизифе» употребляет фразу Пиндара из «Пифийских песен»: «Душа, не стремись к вечной жизни, постарайся исчерпать то, что возможно» [5]. Для трансгуманизма область возможного — это предмет, подлежащий развитию, преобразованию, инструментализации. Приведенное высказывание поднимает вопрос, который не был бы пустым для трансгуманизма: что может дать нам вечная жизнь, почему не ценится жизнь «средней длительности», почему ценным атрибутом видится ее временное продление? Почему трансгуманизм не заботится о том, *как* жить обычную по длительности жизнь?

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Увеличить объем памяти, «продолжить» себя с помощью технологии, вживить чип в мозг для управления техникой на расстоянии, преодолеть старость и увеличить продолжительность жизни, стать «больше»..., «лучше»... — это все ориентиры трансгуманизма.

Очевидно, данные вещи не самоценны, поэтому возникает вопрос о смысле жизни человека «расширенного». Есть лишь одно вопрошание — зачем? Будет ли тема смысла жизни важна для «нового» человека? Может ли трансгуманизм стать его философией жизни, каковой будет система его жизненных ориентаций (ценностей)?

В одном из российских университетов во время коллоквиума представителям трансгуманистического движения был задан вопрос о смысле жизни. Ответ был приблизительно следующим: «Когда мы сможем побывать, например, в других галактиках, многое узнать и увидеть, тогда нам станет ясен смысл жизни». Конечно, это лишь один вариант ответа, и несомненно, что трансгуманисты могут ответить как-то иначе, но нельзя отрицать, что в этом ответе просматривается серьезная проблема. В доктрине трансгуманизма нет места для вопроса о смысле жизни. Для этого им следовало бы признать, что человеческое существование имеет *экзистенциальное* измерение.

По Л. Витгенштейну, как мы уже заметили ранее, «возвышенные» содержания жизни, такие например, как этические, являются важнейшими для человека. Подчеркивая это, философ предлагает нам их «апофатическое» определение. Эти содержания не могут быть предметом нашего знания, так как находятся вне нашего мира, они трансцендентны. А значит: «6.41. Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит; в нем нет ценности — а если бы она и была, то не имела бы ценности» [1].

Обратим внимание на уверенность трансгуманизма в том, что будущее будет несравнимо лучше, чем настоящее, как если бы существующая настоящая жизнь была бы лишь подготовкой к следующей, более значимой. Можно ли видеть в этом какие-то новорелигиозные мотивы? Является ли наше подозрение в «нерелигиозной религиозности» трансгуманизма неким преувеличением? Совершенно очевидно, однако, что трансгуманизм очарован будущим, уповает на него и ожидает от него всевозможных благ и радостей для человека.

В работе «Культура и ценность» (1930) Л. Витгенштейн писал: «[27] Поверь кто-то, что найдено решение жизненной проблемы, будь он готов заявить, что теперь ему все так легко, — в опровержение самого себя ему было бы достаточно вспомнить о том времени, когда это „решение“ еще не было найдено, но и в то время надо было уметь жить. И тогда найденное решение покажется ему случайным» [6].

В конечном итоге мы приходим к принципиальному вопросу: каким образом трансгуманизм видит жизнь в настоящем, будь то сейчас, в 2016 г., или в любой другой момент, который будет для нас настоящим временем? — к вопросу, который в силу обозначенных устремлений трансгуманизма, оказывается риторическим.

ПРАВО НА ЗАГАДКУ

В «Лекции об этике» [5], объясняя существование лишь относительных ценностей, Л. Витгенштейн предлагает представить львиную голову, внезапно выросшую на плечах одного из присутствующих. В этом случае, вероятно, люди позвали

бы врача, чтобы он провел необходимые исследования и дал свое научное объяснение, ведь научные объяснения заслуживают доверие. Такое ход событий мигом бы стер чудесность этого происшествия. Понятия чуда вообще не существует в научном мировоззрении, для науки все факты — одного порядка, а то, что не может быть объяснено, должно лишь подождать, пока наука будет в состоянии это объяснить по мере своего развития. По той же самой причине, замечает мыслитель, «...не может быть великой, существенной проблемы в научном смысле» [6].

Мы приближаемся к тому, чтобы утверждать, что человек не может быть определен в мире фактов, как это пытается делать трансгуманизм, не может принадлежать к ведению науки, как, например, химический состав морской воды или двигатель самолета. Трансгуманизм отказывает человеку в человечности. Не будем определять, что такое человек, по той причине, что «претензия на то, чтобы познать человека и определить его с помощью понятия, неизбежно ведет к тому, чтобы согласиться на его объективацию или даже больше — на саму его человечность согласно объективации, которую мы из нее произведем. Определение человека через понятие вовсе не всегда и не напрямую ведет к уничтожению человека, но оно уже выполняет первое условие, удобное для истребления всего, что не будет отвечать этому определению. Эта угроза — покончить с некоторыми среди людей просто потому, что имеется точное определение человека — вовсе не преувеличение и не странность» [8]. Эти строки принадлежат Жан-Люку Мариону, и XX век подтверждает его правоту.

В работах Л. Витгенштейна часто можно встретить слова «загадочный», «мистическое». О том, что ему представляется таковым, он, понятное дело, не распространяется на страницах своих произведений, мы знаем только, что мистическое в конце концов — это тот факт, что мир *есть*.

Оставим ли мы место для загадки, решения которой нет в нашем мире? Какой была бы жизнь в мире, который полностью объяснила наука? «[455] Вечное и важное для человека часто таится под непроницаемым покровом. Он знает, за ним скрывается что-то, но не *видит* этого. Покров отражает дневной свет» [6]. Главное, что мы можем вынести из этого прочтения, — знать, что всегда есть некая тайна (связанная с нами, с нашим существованием), и оставить себе, человеку, на нее право.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть 1. М.: Издательство «Гнозис», 1994.
- [2] Тагиров Ф.В. Человек: бытие в свете трансценденции // Философия права. 2008. № 1.
- [3] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958.
- [4] Рудановская С.В. Приближение к другому: опыт прочтения «Соляриса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2015. № 1.
- [5] Камю А. Миф о Сизифе: философский трактат. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007.
- [6] Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Часть 1. М.: Издательство «Гнозис», 1994.
- [7] Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. 1989. М., 1989.
- [8] Марион Ж.-Л. «Я сам для себя стал великим вопрошанием» — привилегия незнания // Логос. 2011. (1) 80.

THE EXISTENTIAL DIMENSION IN THE CONCEPT OF TRANSHUMANISM BY MEANS OF L. WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION

S.A. Kostina

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

- [1] *Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. Filosofskie raboty. Chast' 1. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994.*
- [2] *Tagirov F.V. Chelovek: bytie v svete transcencencii. Filosofija prava. 2008. № 1.*
- [3] *Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M.: Nauka, 1958.*
- [4] *Rudanovskaja S.V. Priblizhenie k drugomu: opyt prochtenija «Soljarisa». Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija». 2015. № 1.*
- [5] *Kamju A. Mif o Sizife: filosofskij traktat. SPb.: Izdatel'skij dom «Azbukaklassika», 2007.*
- [6] *Vitgenshtejn L. Kul'tura i cennost'. Filosofskie raboty. Chast' 1. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994.*
- [7] *Vitgenshtejn L. Lekcija ob jetike. Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 1989. M., 1989.*
- [8] *Marion Zh.-L. «Ja sam dlja sebja stal velikim voprosnaniem» — privilegija neznanija. Logos. 2011. (1) 80.*